

УДК 94(470)“1618/1634” + 321.013 + 930

Л. М. Лугинин

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (1618–1634)

Исследуется влияние внутривнутриполитической жизни Московского государства в первой трети XVII в. на внешнюю политику. Доказывается активная деятельность России на международной арене. Анализируется взаимодействие различных ветвей государственной власти в этот период.

Ключевые слова: Московское государство в XVII в.; внутренняя и внешняя политика; историография.

Взаимосвязь внутренней и внешней политики являются одной из тех политологических и исторических аксиом, которые обычно воспринимаются без доказательств. Однако связь эта не постоянна: существуют исторические периоды, когда она может существенно усиливаться или снижаться, что обусловлено различными факторами, в том числе и случайными, оказывающими как позитивное, так и негативное воздействие на состояние государственной власти. Внешнеполитический курс часто может свидетельствовать о природе режима, его слабостях или силе. Типичны ситуации, когда слабая власть ищет укрепления в активном участии в международных делах и конфликтах, а сильная власть стремится к изоляции от международных дел.

В России в годы Смуты, когда под сомнение были поставлены легитимность и суверенность правления, существовал риск нарушения территориальной целостности страны. Внешняя политика должна была стать тем инструментом, который мог устранить угрозы потери политической самостоятельности и подтвердить право государя на власть в стране. В 1618–1634 гг. были сформулированы и обозначены основные принципы политики правящей династии Романовых.

Обозначенная в заглавии проблема косвенно затрагивалась рядом исследователей отечественной истории. Существует обширная дореволюционная и советская историография, которая охватывает не только традиционные исследования внутренних государственных процессов, но и внешнеполитические вопросы во временном интервале между Деулинским перемирием 1617 г. и Смоленской войной 1632–1634 гг.¹

¹ Среди наиболее ранних работ стоит отметить «Историю России» С. М. Соловьева, в которой автор придерживается комплексного подхода к истории и периодически соотносит взаимное влияние политических событий [Соловьев]. Масштабное исследование Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648)» в первую очередь посвящено рассмотрению вопросов региональных международных отношений, но при этом автор часто апеллирует к событиям внутреннего характера как к определяющим направление действий государств на внешней арене [Форстен]. Существовали работы и обзорного характера, дававшие общее представление о взаимоотношениях России и отдельных стран. В таких трудах прослеживалось изменение отношений с иностранными державами в зависимости от правления и текущего состояния Московского государства. Среди них можно выде-

В современной российской историографии не только мало внимания уделяется рассмотрению и анализу фактического материала по истории внешней политики России этого периода и делаются попытки доказать не вполне очевидную мысль о том, что Москва фактически не участвовала в европейских делах и не оказывала влияния на международную систему. В частности, Е. И. Кобзарева считает, что после Смуты «Россия не имела возможности проводить активную внешнюю политику» [История внешней политики..., с. 221].

Такой подход не является новым: он был сформулирован рядом историков до 1917 г. и продолжен советскими исследователями. Большинство исследователей, рассматривая деятельность Московского государства на международной арене, часто ограничиваются вопросами конфликтов России с соседними государствами. Так, у Д. И. Иловайского отмечается, что в период после избрания Михаила Романова «была эпоха сравнительного затишья, наступившего после разрушительных бурь Смутного времени... Собственно, только одно событие нарушает ее относительное однообразие и бесцветность — это Смоленская эпопея» [Иловайский, с. V]. Так же и Н. Н. Устрялов, описывая последствия Деулинского перемирия, анализирует Смоленскую войну 1632–1634 гг. [см.: Устрялов, с. 310–311]. Эти положения развивались и в советский период: характерным примером может служить «История дипломатии» (1941), авторы которой просто опускают рассмотрение исторического периода после Смуты, переходя от вопросов Деулинского перемирия 1618 г. к Русско-польской войне 1654–1667 гг., кратко упоминают события Поляновского мира 1634 г. [см.: История дипломатии, с. 227].

Обращение к опубликованным источникам позволяет прийти к иным заключениям. Выходя из состояния внутренней анархии, Московское государство не только не замкнулось в изоляции, но и очевидно наращивало свою внешнеполитическую активность. Это подтверждается сопоставлением статистических данных о международных контактах России и некоторых европейских государств в 1618–1634 гг. Для сравнения взяты периоды 1601–1617 гг. и 1635–1650 гг. и сведения о количестве отправленных и принятых посольств и посланников (гонцов) с помощью количественной оценки (табл.).

Если в качестве базового показателя для анализа интенсивности дипломатического обмена с участием Московского государства принять период 1601–1617 гг. (100 %), то в сравнении с 1618–1634 гг. и 1635–1650 гг. становится

лить, к примеру, «Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях» А. Б. Лакиера [1895]. В советский период был издан целый ряд монографий, касающихся внешней политики России в XVII в. Среди них особенно выделяются работы О. Л. Вайнштейна «Россия и Тридцатилетняя война» [Вайнштейн] и Б. Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» [Поршнев]. Основное внимание авторов уделялось внешнеполитическим событиям и международной обстановке, в которой находилась Россия, но также исследовались и аспекты внутренней политики, оказывавшие влияние на те или иные акты во внешних делах. Нельзя не отметить работы Б. Н. Флоря «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.» [Флоря], А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» [Новосельский], И. П. Шаскольского «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством» [Шаскольский].

*Международные контакты России**

Контрагент	1601–1617				1618–1634				1635–1650			
	Посольство		Посланники		Посольство		Посланники		Посольство		Посланники	
	Отправ- лено	Прибыло	Отправ- лено	Прибыло	Отправ- лено	Прибыло	Отправ- лено	Прибыло	Отправ- лено	Прибыло	Отправ- лено	Прибыло
Англия	3	5	1	2	2	2	4	14	1	2	2	9
Нидерланды	1	1	2	2	2	2	4	11	1	1	3	8
Империя	2	3	4	7	1	1	—	—	—	—	—	—
Речь Посполитая	6	10	5	9	2	2	7	4	5	2	17	25
Швеция	3	4	—	3	2	4	—	1	2	2	1	
Дания	2	2	4	5	2	1	12	10	2	2	9	7
<i>Итого</i>	<i>17</i>	<i>25</i>	<i>16</i>	<i>28</i>	<i>11</i>	<i>12</i>	<i>27</i>	<i>40</i>	<i>11</i>	<i>9</i>	<i>32</i>	<i>49</i>
Интенсивность, %	100	100	100	100	65	48	169	143	65	36	200	175

* *Источники:* [Бантыш-Каменский, т. 1, 3; РИБ, т. 16; РИО, т. 38, 116, 137, 148; ЧОИДР, кн. 3].

очевидно, что снижение внешнеполитической активности не происходило. Принимая во внимание тот факт, что с Речью Посполитой в 1623—1634 гг. были разорваны дипломатические отношения, и исключив статистику по ней из таблицы, можно заметить существенный рост интенсивности дипломатического обмена в период 1618—1634 гг. Вполне объяснимо и увеличение числа используемых посланников и гонцов, происходящее на фоне снижения количества посольств. Отправка послов из России была связана с существенными финансовыми затратами: послами назначались, как правило, представители аристократических фамилий, и чем выше был ранг посла, тем большая свита ему полагалась и тем больше расходов ложилось на казну [см. Котошихин, с. 33—34]. После Смуты экономика Московского государства была существенно расшатана, и отправка послов часто была нецелесообразна с финансовой точки зрения.

Россия, подписав в 1617 г. мир со Швецией в Столбове, все еще находилась в состоянии войны с Речью Посполитой, и ряд территорий Московского государства находился под контролем противника. Поляки считали, что «борьба различных группировок в русском обществе» позволит им включить Россию в состав своего государства [см.: Флоря, с. 210]. Центральной российской власти к этому моменту удалось добиться некоторой политической стабильности на собственных территориях: к 1614 г. удалось «избавиться» от И. М. Заруцкого, в 1614—1615 гг. — подавить восстания казаков М. И. Баловнева, татар и черемисов, а к 1618 г. преодолеть последствия голода и практически полностью ликвидировать самозванческую тенденцию внутри страны [см.: Станиславский, с. 151]. Причины социальных столкновений и внутреннего противостояния различных политических группировок находились в прямой связи с вопросом международного признания царя Михаила. Чем настойчивее были претенденты, тем выше были риски гражданского неповиновения. В целях укрепления внутренних позиций нового монарха требовалось добиться отказа польского короля Сигизмунда III и его сына Владислава от московского престола. Временное приостановление активных военных действий поляками в 1614—1617 гг. позволило российскому правительству собраться с силами и даже организовать в 1616 г. наступление на «Литовскую землю». Усиливавшаяся царская власть и растущая активность Москвы вызывали у польской шляхты серьезные опасения. Это привело к постановлению Варшавского сейма от 4 июля 1616 г. возобновить военные действия против России и добиться воцарения там королевича Владислава [см.: Муханов, с. 3].

В Европе в 1618 г. началась Тридцатилетняя война. Обострившееся политическое противостояние габсбургского блока и держав антигабсбургской направленности вело к нарастанию военных действий. Это нарушало сложившиеся торговые связи, разоряло экономически активные слои населения, разрушало основы системы хозяйствования. В таких условиях европейские державы обратили внимание на Московское государство, стоявшее в некоторой стороне от европейского конфликта. Во многом определяющую роль в выборе своего места в войне для России сыграл конфессиональный фактор. Лояльность российского правительства к протестантам и усилившееся в годы Смуты неприятие католиков [см. об этом: Цветаев, с. 2—7] обеспечили поддержку Москвой

держав, выступавших против претензий Габсбургов на гегемонию. Россия, в свою очередь, интересовала европейцев прежде всего своими стратегически важными для войны в Европе ресурсами (зерно, строевой лес, сера, селитра, пенька и др.), доступ к которым был ограничен военным положением внутри и вокруг страны. В связи с этим протестантские Англия и Нидерланды, ведущие торговые державы Европы, выступили в качестве посредников для урегулирования войны со Швецией, окончание которой позволяло нарастить товарный обмен с Москвой².

Мирный договор в Столбове, заключенный в феврале 1617 г., провозгласил русско-шведский антипольский союз, и шведы открыли военные действия против Польши на Балтике. Английский посол Д. Дикс в мае 1618 г. от лица короля демонстрировал намерения заключить союзный договор с Москвой и оказать ей финансовую помощь [см.: Бантыш-Каменский, с. 104]; правительство Нидерландов, приняв в июне 1618 г. российского посла И. Баклановского, обязалось прислать порох, свинец, пушечные снаряды и фитили [см.: РИО, т. 116, с. 164]. Вдобавок Земский собор 1618 г., постановивший продолжать войну с поляками, продемонстрировал общую тенденцию к росту поддержки элитой страны своего государя и готовность отстаивать независимость.

С другой стороны, государство не было еще настолько сильно, чтобы обеспечить победу в войне с Речью Посполитой. Население Московского государства устало от непрекращающихся военных действий и открыто не подчинилось приказам центральной власти. Начались измены среди аристократии: на сторону поляков перебежали боярские и дворянские семьи [см.: Муханов, с. 17]. Царские воеводы В. Куракин и И. Бутурлин жаловались государю, что дети боярские не являлись на службу, игнорируя их требования [см.: Акты, с. 151—152], в Москве происходили волнения среди казаков, создавшие угрозу власти Михаила Романова изнутри [см.: Соловьев, с. 1146]. Но и Речь Посполитая была измотана длительными войнами, которые она вела не только с Россией, но и со Швецией и Османской империей. Польская шляхта была настроена на завершение конфликта; в инструкциях послам Киевского воеводства, отправленным на Варшавский сейм 1618 г., содержались требования скорейшего заключения мира с Россией [см.: Архив, с. 116—129].

Таким образом, обе стороны склонялись к миру, и в октябре 1618 г. начались переговоры. По условиям Деулинского перемирия, подписанного в декабре 1618 г., в Москву в 1619 г. из польского плена вернулся Филарет, отец царя Михаила. 24 июня 1619 г. он был интронизирован иерусалимским патриархом Феофаном III как Московский патриарх. Это событие имело огромное политическое значение: оно не только укрепляло позиции Михаила Романова на царском престоле (Москва получила патриаршество как царствующий град), но и повторно (впервые после учреждения на Руси патриаршества в 1589 г.) демон-

² Собственно, и само Московское государство было заинтересовано в связях с Англией и Нидерландами, т. к., развивая отношения с ними, можно было торговать с Европой в обход Швеции и Дании, устанавливавших большие пошлины за право прохода через балтийские проливы и остановки в своих портах.

стрировало замещение патриархом Московским места папы Римского в традиционной христианской пентархии. Патриарх соотносился с папой, а царь соответственно воспринимался как наследник власти Византийской империи [см.: Успенский, с. 496–509]. Москва, таким образом, становилась соперницей Священной Римской империи и папства, открыто демонстрирующей свои имперские амбиции.

Возвращение из плена Филарета и утверждение его на патриаршем престоле не только обозначили идейные основы формирования внешней политики России, но и привели к установлению двоевластия. Патриарх³ стал фактическим соправителем царя Михаила, получив официальное именование Великого государя, и оказывал существенное влияние на формирование международного курса государства, выразившегося в выработке в 1620-е гг. жесткой антипольской позиции Москвы. Причиной такого курса стал комплекс противоречий, существовавших в польско-русских отношениях. Сигизмунд III и королевич Владислав не отказывались от претензий на московский престол и не признавали легитимность новой династии, создавая угрозу нового вторжения и подрывая своим непризнанием статус Московского государства на европейской арене. За спиной Речи Посполитой стояли Священная Римская империя и папство, к которым апеллировали польские власти в своих претензиях на российский трон [см.: *Historica Russiae Monumenta*, р. 409–411], стремившиеся к вовлечению Москвы в имперско-католическую орбиту влияния.

Принятие антипольского курса и расширение сотрудничества с государствами антигабсбургской коалиции происходили в России на фоне борьбы между сторонниками внешнеполитических линий патриарха Филарета и главы Посольского приказа И. Грамотина, выступавшего выразителем идей пропольски настроенной части боярства [см.: Поршневу, с. 190]. Это противостояние продолжалось в период с 1619 г. (когда в Москву вернулся Филарет) до 1627 г. (когда И. Грамотин был отправлен в ссылку), определяя деятельность Москвы в международных делах и ставя их в некоторую зависимость от личных пристрастий лидеров политических элит.

Другим аспектом влияния внутренней политики на внешние дела было проведение «всеобщей переписи государству» с целью успокоения населения, увеличения доходов казны и роста военного потенциала [см.: Устрялов, с. 309]⁴. Здесь власть стремилась к урегулированию внутрисоциального положения и нормализации отношений с ведущими европейскими державами, преследуя обычную цель укрепления своего авторитета как внутри страны, так и вовне.

Чтобы добиться поддержки западных государств и поднять престиж новой династии, не вызывая агрессии соседей и не нарушая их интересов, оптимальным

³ Филарета можно считать даже дважды патриархом. Он не только возглавлял церковные институты, но, учитывая патриархальную систему семейных отношений, являлся главой рода Романовых, в т. ч. и царя Михаила.

⁴ Таким образом, фактически государи проводили политику реформирования для подготовки к будущей войне в целях ревизии условий Деулинского перемирия.

вариантом было заключение брака с представительницей правящего европейского дома. С целью сватовства были отправлены посольства Ю. Родионова и А. Кекерлина в «Цесарию и другие немецкие земли» в 1621 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 19], А. Львова к датской королевской семье в 1621 г. [см.: РИБ, т. 16, с. 581–583], а в 1623 г. написан запрос в Швецию [см.: Иловайский, с. 35]. Отовсюду ко двору приходил вежливый отказ, связанный, очевидно, с неуверенностью европейских правящих домов в устойчивости власти Романовых. Неудачи в использовании метода установления матримониальных связей практически не повлияли на внешнюю политику России в целом. Это были своего рода попытки Москвы найти наиболее короткий и удобный путь улучшения международного положения государства, параллельно стремясь к поиску в Европе союзников, способных усилить российские позиции без создания родственных связей.

Наиболее удачным здесь было взаимодействие с Англией, правительство которой было заинтересовано в российских сырьевых рынках. В результате переговоров, продолжавшихся в 1619–1623 гг., был подписан договор об оборонительном союзе и торговле [см.: Лакиер, с. 61]. Несмотря на то, что этот документ не был ратифицирован, фактически он действовал вплоть до свержения короля Карла I, определяя дружественный характер отношений Москвы и Лондона. На западном направлении в это время удалось также перевести в латентную фазу конфликт с Данией, который разворачивался на Русском побережье Белого моря за право обладать этой областью. Если в 1614–1622 гг. претензии датского короля Христиана IV на нее выражались только номинально — в принятии титула властителя Северного Калотта (включавшего русскую Лопскую область), то в 1623 г. датчане провели небольшую провокационную военную операцию, окончившуюся разграблением московских владений в районе Колы и острова Кильдин [см.: РИБ, т. 16, с. 589–603]. Правительству царя Михаила, не поддававшемуся на провокации, удалось не только не допустить эскалации конфликта, который был определенно не нужен России, так как могла возникнуть угроза одновременной войны на два фронта, но и не пойти на уступки датчанам, оставив северные земли за собой. Риск оказаться в войне сразу с несколькими противниками для Москвы действительно существовал. В 1621–1622 гг., когда шло нарастание датско-московских противоречий, патриарх Филарет смог добиться усиления своего влияния среди бояр, и антипольская линия в Москве взяла верх: началась подготовка к войне с Польско-Литовским государством.

В 1621 гг. между Речью Посполитой и Турцией вспыхнула Хотинская война. Польско-турецкий конфликт носил затяжной характер, и начавшиеся военные действия стали результатом эскалации осложнившихся в начале XVII в. отношений. Задачей Турции и вассального ей Крыма было втянуть в военные действия Россию, обеспечив силовой перевес над поляками [см.: Новосельский, с. 99]. Для этих целей в Москву в сентябре 1621 г. прибыло турецкое посольство Ф. Кантакузина, ходатайствовавшее о союзе против Варшавы. В то же время против Польши на Балтике выступила Швеция. Было очевидно, что у России появился реальный шанс пересмотреть условия Деулинского переми-

рия 1618 г., став третьей силой, выступившей против поляков. Если во время переговоров с турецкой делегацией патриарх был вынужден ответить отказом (государи не были готовы к принятию такого решения без участия консультативных органов), то на Земском соборе в октябре 1621 г. ему удалось добиться постановления о подготовке к войне, а весной 1622 г. подтвердить прошлогодние решения на вновь созванном соборе. Момент, однако, был упущен: турки вышли из войны, подписав с поляками перемирие 9 октября 1621 г., а затем и Хотинский мирный договор [см.: *Naruszewicz*, р. 326–331]; Густав II Адольф в 1622 г. после Митавской битвы заключил с Сигизмундом III перемирие до 1625 г. Несмотря на это, в 1622 г. по инициативе Москвы были разорваны официальные дипломатические отношения с Варшавой (и не возобновлялись уже до 1634 г.) [см.: Бантыш-Каменский, с. 117].

Разрыв русско-польских отношений происходил на фоне ответного посольства И. Кондырева и Т. Бормосова в Константинополь, состоявшегося в октябре 1622 — апреле 1623 г., т. е. в период, когда к султану уже прибыл К. Збаражский, посол Сигизмунда III, для подтверждения хотинских договоренностей и установления длительного мира. Согласно донесениям французского посла в Османской империи, целью московских посланников было склонить Порту к антипольскому союзу и скорейшему развязыванию войны, обещая субсидии вплоть до 400 тыс. талеров в год [см.: *Historia Russiae Monumenta*, р. 421–423]. По мнению А. А. Новосельского, опирающегося на российские архивные данные об этом посольстве, задачи у И. Кондырева и Т. Бормосова были как раз обратные: избегать любых предложений о союзе, не упоминать о предыдущих предложениях Ф. Кантакузина и, по возможности, оказывать влияние на турецко-польские переговоры в пользу России (в хотинских договоренностях Порты обязала Речь Посполитую не нападать на московские земли и вести себя миролюбиво) [см.: Новосельский, с. 103–105]. Если согласиться, что по инструкциям российских послов требовалось осуществлять только протокольные действия и убедиться в миролюбивом настрое Турции по отношению к Москве, то ясно, что к осени 1622 г. Россия в войну с Польшей вступать незамедлительно уже не собиралась. В то же время внутренние распорядительные документы царя Михаила за лето 1622 г. носят весьма двоякий характер и в некоторой степени опровергают мирный настрой государя. Так например, царский наказ вновь назначенным воеводам в Вязьму требовал от них по приезде фактически готовиться к войне: накапливать припасы, вести разведку в Литовских землях, провести смотр детей боярских, стрельцов, казаков и других служилых категорий, а также своего рода маневры [см.: *Акты*, с. 170–175]. Здесь следует учесть, что в Москве знали о мирном настрое польского правительства, которое не могло себе позволить и не желало в 1622 г. войны ни с кем, в том числе и с Россией. В августе 1622 г. Сигизмунд III писал своим представителям на межевых съездах на границу, чтобы они всеми силами убеждали московских уполномоченных лиц в «продолжении... обоюдного мира» [Муханов, с. 187]. Оборонительных ресурсов у пограничных территорий в 1622 г. было вполне достаточно, а активно готовиться к войне при желании сохранить мир было бы совершенно неразумным. Требования же к вяземским воеводам говорят о том,

что, вполне возможно, Россия готовилась выступить против поляков в начале 1623 г. (в конце 1622 г. о выступлении речи быть не могло: военные кампании, как правило, не начинались в зимний период). Но, как известно, военные действия против поляков Россия вплоть до 1632 г. не начала. Соответственно и вопрос об истинных целях посольства в Константинополь и намерениях государей остается открытым.

Вполне возможно, что сильное влияние на свертывание военных приготовлений оказали внутренние боярские распри, которые имели место также в 1622 г. После провала брачных дипломатических инициатив было решено выбрать царю невесту в среде аристократии. Вокруг царской женитьбы развернулся серьезный конфликт, ставший очередным противостоянием московских элит: боярские семьи, не гнушаясь интриг, стремились навязать государю своих невест. Наиболее сильные столкновения происходили между Романовыми и Салтыковыми. Возможное усиление влияния рода Салтыковых было опасно, потому что они в годы Смуты выступали последовательно в поддержку Лжедмитрия II, королевича Владислава и Сигизмунда III, а в дальнейшем олицетворяли пропольскую боярскую группировку. Борьба за матримониальное влияние на царя окончилась только после того, как Салтыковых отправили в ссылку, а Михаил Романов остановил свой выбор на «дочери незначительного дворянина» [Соловьев, с. 1163–1164].

Противоборство антипольской и пропольской внешнеполитических линий закончилась в 1625 г. Относительно этого события у Б. Ф. Поршнева говорится о некоем подобии государственного переворота в Москве под лозунгом объявления войны Польше, о чем в 1625 г. сообщали шведские осведомители в Стокгольм [см.: Поршнева, с. 190]. Г. В. Форстен также упоминает о неких столкновениях интересов боярских групп при дворе Романовых, но уже в контексте доклада шведских резидентов о польском посольстве, которое прибыло в Москву летом 1625 г. и предложило выступить совместно с польскими войсками против Густава II Адольфа в обмен на территориальные уступки и заключение вечного мира [см.: Форстен, 1894, с. 206–207]. Между тем ранее уже отмечалось о разрыве дипломатических контактов между Варшавой и Москвой еще в 1622 г., и сведения о польско-русских переговорах в 1625 г. выглядят не вполне достоверно (несмотря на приведение всего текста донесения у Г. В. Форстена). Известия же о «перевороте» вполне могут иметь под собой место (сам Б. Ф. Поршнева не дает ссылку на источник). В 1625 г. под влиянием патриарха Филарета была выпущена новая государственная печать с добавлением в титул Михаила слова «самодержец», что стало своего рода демонстрацией восстановления полноты царской власти и «устранения ограничительных боярских притязаний» [Иловайский, с. 43]. Это означало и успех Филарета Никитича в борьбе с И. Грамотиным, что ознаменовалось снятием последнего в 1626 г. с руководства Посольским приказом и ссылкой в Алатырь [см.: Терещенко, с. 13]. После этого Россия начала сближаться со странами антигабсбургского блока и демонстрировать готовность к войне с Речью Посполитой. Если в 1624 г. царская администрация рассылала приказы «о роспуске ратных людей по домам» [Акты, с. 194], то в 1625 г. воеводам даются указы о сборе детей

боярских и дворян на службу в приграничные районы [Акты, с. 195–201]. Стягивание войск к московско-литовской границе происходило, судя по всему, ввиду начала датского периода Тридцатилетней войны и очередного этапа Шведско-польской войны в Прибалтике. Наиболее вероятно, что эти действия носили все-таки оборонительный характер (война с поляками без союзников была для патриарха Филарета предприятием сомнительным) и в вооруженный конфликт Москва вступать не собиралась, но тем не менее помощь антигабсбургским силам она начала оказывать все более активно.

Если на протяжении 1620-х гг. наиболее крупными торговыми партнерами России были Англия и Нидерланды [см.: РИО, т. 116, с. 8], то во второй половине 1620-х гг. к фактически монополизированным ими с согласия московского правительства рынкам зерна была допущена Дания⁵, вступившая в 1625 г. в войну со Священной Римской империей. Российские государи, несмотря на прошлые разногласия с королем Христианом IV, понимали важность поддержки борьбы датчан с габсбургско-католическим блоком и фактически субсидировали хлебные поставки Копенгагену в 1627–1631 гг., ежегодно подтверждая право беспошлинного вывоза его датским купцам [см. РИБ, т. 16, с. 603–621]. После выхода Дании из войны и заключения ею Любекского мира с империей в 1629 г. Россия пыталась продолжить сотрудничество с ней в военно-политической области (предлагалось создание тройственного датско-шведско-русского союза), но потерпела неудачу [см.: Соловьев, с. 1185].

Удаление И. Грамотина из Посольского приказа и переход контроля над ним к патриарху Филарету внесли корректировки во внешнюю политику России и активизировали ее в направлении поиска военно-политического союзника. Если во время посольства Э. фон Бремена и Унгерна, отправленных в Москву Густавом Адольфом в начале 1626 г., на предложение короля вступить в союз против Речи Посполитой и поднять на войну запорожских казаков и крымских татар было отвечено вежливым отказом (грамота царя Михаила королю Густаву Адольфу от 26 апреля 1626 г. [Форстен, 1893, с. 83–85]), то во время следующего посольства Бенгарта и Рубцова осенью 1626 г. государями было обещано в войну вступить в случае нарушения польским королем условий Деулинского перемирия [Дело о приезде шведских послов Бенгарта и Рубцова].

Демонстрация готовности Москвы вступить в войну с Речью Посполитой не осталась незамеченной в Европе. К тому же она была подтверждена реальными действиями: московские военные отряды в составе шведских войск участвовали в боевых действиях против поляков в Прибалтике, о чем в 1627 г. сообщали французские наблюдатели в Польше и Швеции [см.: Форстен, 1893, с. 90–92]. К государям направлялись посольства тех европейских держав, которые были более всего заинтересованы во вступлении России в войну с Польско-

⁵ Это действительно знаковое событие. Зерно в годы Тридцатилетней войны стало одним из мощнейших инструментов спекуляции: стоимость ластан ржи, к примеру, в 1605–1623 гг. выросла на амстердамском рынке примерно в 5 раз [РИО, т. 116, с. 179]. Таким образом, Москва оказывала существенную экономическую поддержку Копенгагену.

Литовским государством. Наряду со шведскими, голландскими и английскими дипломатами в Москве побывали представители Семиградья и Франции. Сначала в 1629 г. состоялось французское посольство Деэ де Курменена, настойчиво подталкивавшего Михаила Романова к союзу со шведами и скорейшему вступлению в войну с поляками [Материалы о посольстве Деэ де Курменена]. В 1630 г. к царю Михаилу прибыло посольство А. Талейрана и Ж. Руссея, представлявшее трансильванского правителя Бетлена Габора, и предложило проект четверного союза (Порты, Швеции, Семиградья и России) против Империи и Польши [см.: Бантыш-Каменский, с. 157–158].

Царь Михаил и патриарх Филарет с настороженностью относились к подобным предложениям. Демонстрируя политическую поддержку антигабсбургскому блоку во второй половине 1620-х гг., они не вступали ни в какие официальные союзы и не открывали военных действий. Правительство выжидало удобного момента для начала войны с Речью Посполитой, а до того шла методичная подготовка к ней страны и устройство в армии полков по шведскому образцу. Если сначала реформирование велось самостоятельно, то в 1630 г. в Москву прибыл полковник А. Лесли-младший, направленный Густавом Адольфом с военно-информационной миссией: были представлены королевские предложения по реорганизации московской армии и обсуждены планы будущих военных действий с поляками. На службу в Россию нанимались офицеры и солдаты из европейских стран, по разрешению шведского короля было размещено производство легких пушек, ставших символом побед шведов в Германии в начале 1630-х гг., начались поставки современных вооружений для пехотных полков западного типа. Формирование новых полков шло столь активно, что уже к 1629 г., как сообщали полковые воеводы, не хватало мест для размещения служилых людей [см.: Акты, с. 253]. Государевым наказом с 1630 г. по стране собирались безземельные дворяне для обучения у «немецких» полковников А. Лесли и Ф. Нецнера [см.: Там же, с. 300–301, 309] и формировались склады с военными запасами в «украинных городах» [Там же, с. 325].

Царь и патриарх обещали шведам начать военные действия летом 1631 г., но так и не пошли на это. Возможно, причина заключалась в волнениях, которые начались среди казаков [Там же, с. 335], но, вероятнее всего, правительство под влиянием М. Б. Шеина (со времен обороны Смоленска в годы Смуты за ним закрепилась слава успешного военачальника) просто считало, что страна не готова к войне как в финансовом, так и в военном плане, а также вновь хотело заручиться поддержкой населения. В течение 1631 г. государи наполняли казну и завершали формирование армии [см.: Иловайский, с. 54]. Земский собор 1632 г. постановил объявить войну Польско-Литовскому государству и утвердил дополнительные налоги и сборы для поддержки кампании. Воспользовавшись междуцарствием в Польше, Россия разорвала Деулинское перемирие, начав Смоленскую войну (1632–1634). Ход и события конфликта достаточно исследованы, но для данной работы важно рассмотреть ситуацию вокруг этого предприятия.

Московское царство вступило в войну на западе, не укрепив южные рубежи, чем спровоцировало новую волну татарских набегов 1630-х гг. Занимаясь

реформированием армии, правительство не решило вопрос об усилении южных рубежей: известны жалобы воевод на плохое состояние укреплений [см.: Акты Московского государства, с. 374] и сняв существенное количество войск с пограничных городов. Государи считали, что если не провоцировать Крым казачьими набегами донцов, то можно в некоторой степени застраховаться от крымских вторжений, но оказались очевидно не правы [см.: Новосельский, с. 200–201]⁶. Нападения крымских татар провоцировали служилых людей южных районов России на дезертирство из действующей армии, из-под Смоленска, ослабляя ее и без того постоянно снижавшийся боевой потенциал. Сосредоточение всех ресурсов на войну с Речью Посполитой, снижение численности гарнизонов в укрепленных городах «украинных» земель и общая экономия затрат на крымском направлении оказали существенное и далеко не положительное влияние на Смоленскую кампанию.

Кроме ошибок, касавшихся политики на южном направлении, был допущен ряд внутренних просчетов, оказавших воздействие на войну с Речью Посполитой. Принципы назначения командующего армией, основывающиеся на системе учета придворных заслуг (попытка назначения боярина Д. М. Черкасского) и «сострадальчеством в польском плену» патриарха (назначение М. Б. Шеина) [см.: Иловайский, с. 55] вместо оценки его военных талантов, самым негативным образом сказывались на результатах военных действий. Последствиями такого подхода стали медленное продвижение войск к Смоленску и нерешительность в столкновениях с польско-литовскими отрядами, повлекшие за собой не только общее снижение боеспособности, но и дезертирство, болезни, внутренние распри между солдатами и офицерами и конфликты с наемниками.

Политические ошибки допускали не только сами государи. В 1632 г. по инициативе воеводы М. Б. Шеина был создан отряд И. Балаша с целью ведения военных действий против поляков на польских территориях. Отряд этот стал основой для формирования очередного «воровского» движения, к которому примыкали дезертиры, казаки, крестьяне и др. Властям пришлось открыть своеобразный второй фронт против внутреннего противника, силы которого питались за счет государственной армии. Восставшие уводили людей из-под Смоленска, ослабляя и без того редееющее войско Шеина, вступали в бой с лояльными Москве отрядами, разоряли деревни и города [см.: Акты, с. 474–477, 480, 499]. Все это отнюдь не способствовало успеху в Смоленской войне.

В октябре 1633 г. скончался патриарх Филарет. Это событие символизировало окончание открытого антипольского курса страны, что стало очевидно после возвращения из ссылки дьяка И. Грамотина и утверждения его главой Посольского приказа весной 1634 г. [см.: Терещенко, с. 13]. Предшествовавшая этому событию смерть Густава II Адольфа в конце 1632 г. и последовавшая перемена во внешнеполитической жизни Стокгольма убеждали Москву

⁶ Требование о сдерживании казаков было обычным для Крымского ханства в отношении России и Польши. Оно звучало практически на каждом переговорах как с Москвой, так и с Варшавой. Собственно, и набеги Бахчисарая часто оправдывал провокациями, которые совершали казаки в отношении Крыма.

в необходимости сворачивать военные действия. Еще до смерти патриарха в 1633 г. в Швецию было назначено посольство Пушкина, Неверова и Горихвостова с целью втянуть наконец шведов в войну с Речью Посполитой. Государственный совет Швеции не только отказался от прямого столкновения с Польшей, но и долгое время не желал подтверждать условий вечного мира в соответствии со Столбовским договором [см.: Форстен, 1894, с. 435–439]. Последнее событие стало в некоторой степени неожиданностью для Москвы и убедило российское правительство в бесперспективности продолжения войны. Несколько позднее в письме датскому королю Христиану IV Михаил Романов, уведомляя об окончании войны с поляками, отмечал, что, кроме внешнеполитических неудач, на ход войны повлияли «измена» М. Б. Шеина и других бояр, «смута среди ратных людей» [РИБ, т. 16, с. 669–676]. В то же время были и очевидные успехи внешней политики, ставшие следствием Смоленской войны.

Среди основных достижений Поляновского мира 1634 г. был отказ польского короля Владислава IV от претензий на московский престол. Несмотря на в целом неудовлетворительный для России исход войны, она несомненно способствовала выполнению одной из основных задач внешней политики Михаила Романова — укреплению суверенной царской власти и росту авторитета московских государей в Европе. Внешнеполитическая активность московского правительства в период между польскими войнами в 1618–1632 гг. дала возможность государству выйти из дипломатической изоляции, возникшей в результате внутренних потрясений Смуты, когда соседствующие с Россией страны стремились прирастить территории за ее счет. События Тридцатилетней войны, начавшейся в 1618 г., повлекли за собой рост интереса со стороны европейских держав к Московскому государству, оказавшемуся важным, а иногда и единственно доступным источником ресурсов, необходимых для ведения военных действий. Используя свой сырьевой потенциал для восстановления экономики, Москва укрепила центральную власть, успокоила регионы и покончила с открытым противоборством боярских группировок, оказывавшим существенное влияние на выработку внешнеполитического курса. Ход Смоленской военной кампании 1632–1634 гг. показал неготовность страны к войне и недостаточность тех мер, которые были предприняты патриархом Филаретом и царем Михаилом для ее подготовки. Просчеты, допущенные государями во внутренних и внешних делах, не позволили сформировать до конца боеспособную армию и приготовить Россию к реализации внешних задач. Тем не менее избранный ими курс позволил сначала добиться признания легитимности правления новой династии от государств антигабсбургского блока, а затем устранить претензии польской ветви династии Ваза на власть в Московском государстве и добиться нивелирования угрозы потери суверенитета. Сосредоточившись в следующие годы на внутренних делах и накопив достаточно сил, Россия к середине XVII в. приобрела значительное влияние в Восточной Европе.

Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. Т. 1. СПб., 1890.
Архив Юго-Западной России : в 34 т. Киев, 1861. Т. 1, ч. 2.

- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в 3 ч. Ч. 1, 3. М., 1897.
- Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. : очерки из истории Московского государства первой половины XVII в. М., 1947.
- Дело о приезде шведских купцов Бенгарта и Рубцова // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 267–278, 339–340.*
- Иловайский Д. И.* История России : в 5 т. Т. 4. М., 1894–1899.
- История дипломатии* : в 3 т. Т. 1. / под ред. В. П. Потемкина М., 1941.
- История внешней политики России* : в 5 т. Т. 1. / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1999.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859.
- Лакиер А. Б.* Обзор сношений между Англиею и Россиею в XVI и XVII столетиях. СПб., 1855.
- Материалы о посольстве Деэ де Курменена // РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12, 227–229.*
- Муханов П. А.* Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834.
- Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М., 1948.
- Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- РИБ. Т. 16. СПб., 1897.
- РИО. Т. 38. СПб., 1883; Т. 116. СПб., 1902; Т. 137. М., 1912; Т. 142. М., 1913.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 29 т. Т. 6–10. СПб., 1896.
- Станиславский А. А.* Гражданская война в России XVII в. М., 1990.
- Терещенко А. В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837.
- Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (византийская модель и ее переосмысление). М., 1998.
- Устрялов Н. Г.* Русская история : в 5 ч. Ч. 1. СПб, 1855.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.
- Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях : в 2 т. Т. 2. СПб, 1893.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом : в 2 т. Т. 2. СПб., 1894.
- Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
- ЧОИДР. Кн. 3 (182). М., 1897.
- Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964.
- Якубов К. Я.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
- Naruszewicz A.* Historia J. K. Chodkewicza : в 2 т. Т. 2. Warszawa, 1819.
- Historica Russiae Monumenta / ab A. J. Turgenevio* : в 2 т. Т. 1. Petropoli, 1842.

Статья поступила в редакцию 29.10.2010 г.